«J'ose dire qu'il est sans goût. . . Il y a trop de mines, des petites mines, de manière, d'afféterie pour un art sevère. Il a beau me les montrer nues, je leur vois toujours le rouge, les mouches, le pompons et toutes les fanfioles de la toilette. . .»[1]

Дидро, конечно, прав, но Державин не был ригористом в своих художественных вкусах. В его «Рождении красоты» больше непосредственности, простоты и юмора, чем в манерной живописи Буше. Державин обладал необыкновенным даром проникаться замыслом живописца и в плане этого замысла создавать свои поэтические образы, более совершенные, чем их первоисточники.

Я. К. Грот указывает, что о поводе к сочинению пьесы «Геркулес» Державин ничего не говорит. Он полагает, что сюжет этой пьесы заимствован из стихотворения Туллия Гемина «На статую Геркулеса», помещенного в Гердеровой антологии.

«Геркулес, где твоя великая ветвь? Где немейский плащ и колчан со стрелами? Где гордая сила? Отчего изобразил тебя Лизипп в скорби, смешав металл с печалью? Горем лишен ты оружия. Кто *тебя обобрал? Крылатый бог, единственный тяжелый бич всех* живущих, Эрот».[2]

Однако у Державина Геркулес изображен не в скорби и не в печали. Отвлеченный, риторический тон вопросов приведенного стихотворения также не вяжется с конкретностью образов Державина.

«ГЕРКУЛЕС

Геркулес пришел Данаю
Мимоходом навестить:
Я, сказал, тобой пылаю. . .
(Он хотел с ней пошутить).
С важным видом и умильным
Пламени в лице полна,
Вздумала с героем сильным
Также пошутить она.
Повела с ним разговоры,
Речь за речь и он повел:
Как-то встретились их взоры,

[1] Diderot. Oeuvres, 1798, t. 15, p. 233. «Я смею сказать, что у него нет вкуса. . . У него слишком много мин, гримасок, манер, жеманства для серьезного искусства. Он напрасно показывает мне их (героинь) нагими, я все равно вижу на них румяна, мушки, помпоны и все безделки туалета...»

[2] Собр. соч. Державина, т. II, стр. 179. Другой источник, указанный Гротом, — пьеса из «Греческой антологии» в немецком переводе: «Посмотри, дети Аматузии ограбили весь Олимп; украшенные добычей, идут они с радостными кликами: один с оружием Феба, другие — с перунами Юпитера, эти несут шлем, те — щит Марса, те суковатую палицу Геркулеса, иные — трезубец, у некоторых — окрыленные башмаки Гермеса, у других — зеленеющее копье Брания. Не старайтесь, смертные, избегнуть стрел эротов, если сами олимпийские уступили им оружие». (Собр. соч. Державина, т. II стр. 717.)